

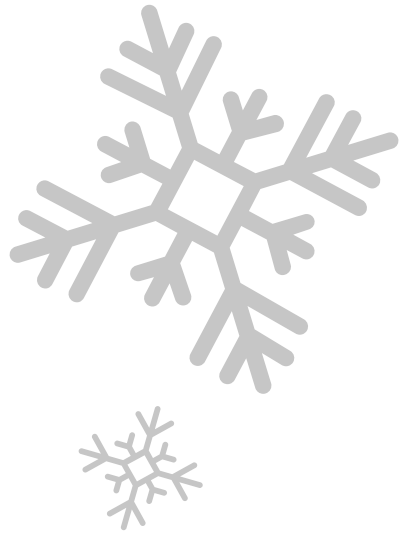

Содержание

<i>Поцелуй под омелой</i>	<i>7</i>
<i>Любовь не по сценарию</i>	<i>179</i>
<i>Загадай любовь.</i>	<i>441</i>
<i>Бонусная глава</i>	<i>691</i>

Поцелуй под елкой

Глава первая

Опубликовано в 16.59

ПРО ЛОЖЬ

«Я не боюсь перемен и правды. С первым я сталкиваюсь слишком часто, а второе от меня обычно тщательно скрывают. Думают, что ничего вокруг не замечаю. Маленькая еще, глупая, наивная, да и вообще... По мнению взрослых, сладкая ложь куда лучше горькой правды. И вот ты уже подстраиваешься под правила чужой игры.»

Вся эта ситуация напоминает некрасивый колючий свитер, который связала дорогая бабушка. Он серый, неприглядный, немодный, нелюбимый. От него чешутся руки и спина. Не хочу! Не нравится! Но свитер снять нельзя, ведь бабуля обидится. Так и носишь его на себе. И мирись с этой ложью. Такой сладенькой и приторной, что аж зубы сводит...»

Kitsune (K): Сайонарочка моя, ты тут? Что за мрачные мысли?

Sayonara (S): Сколько раз я просила не называть меня так?))

Ася Лавринович

(К): А как мне тебя называть? Ты скрываешь свое настоящее имя...

(S): А тебе оно интересно?

(К): Мне интересно все, что связано с тобой. Твое имя, твой цвет волос, твой голос.

...

(К): Молчишь?

(S): Думаю, когда-нибудь ты узнаешь обо мне все;)

(К): Когда же?

(S): Ты слишком нетерпелив, Кицунэ!

(К): Ок. И все-таки, что у тебя случилось? Хочу помочь.

(S): Не бери в голову. Просто устала. За окном все время темно. Целыми днями дождь лупит по крыше. От утреннего тумана болит голова. Еще и школа угнетает...

(К): Ты учишься в школе?

(S): Кажется, я тебе об этом уже говорила;)

(К): Так, за время нашего общения мы выяснили, что живем в одном городе. Может, еще и в одной школе учимся? Меня моя тоже угнетает...

(S): Все может быть;)

(К): Интересно, встречались ли мы в реальной жизни?

(S): Даже если не встречались, то обязательно встретимся...

(К): Иногда мне кажется, что я тебя уже люблю!

(S): А я люблю в кофе чайную ложку пломбира добавлять!

(К): Спокойной ночи! Не грусти, моя Сайонарочка!)))

(S): Издеваешься?) Ладно, сдаюсь! Можешь называть меня Олей...

* * *

Оля долго стояла у кабинета биологии, не решаясь войти. Слышала, как за дверью шумят ее будущие одноклассники. Девушка тяжело вздохнула и посмотрела на аккуратные наручные часы. До звонка оставалось десять минут.

В конце длинного коридора появилась высокая блондинка. Звонко стуча каблучками, она направлялась к этому самому кабинету. Подойдя ближе, блондинка притормозила и с ног до головы оглядела Олю.

— Привет! — дружелюбно проговорила она, не скрывая интереса. Отметила про себя симпатичную блузку и модные сапожки на девчонке. Внешний вид незнакомки ей понравился. Что ж, вкус определенно есть... Это уже хорошо.

— Привет, — осторожно отозвалась Оля.

— Ты сюда?

— Да, наверное. Тут десятый?

— Ага, десятый «А»! — кивнула блондинка. — Неужели ты новенькая?

— Ну да...

— И перевелась к нам в ноябре?

— Так получилось, — почему-то смутилась Оля.

В этот момент к кабинету подошли два парня. Один из них, высокий блондин, мазнув по девчонкам равнодушным взглядом, распахнул дверь и вальяжно прошествовал в класс. Гомон стал громче. Второй, невысокий коренастый шатен, притормозил возле блондинки и поинтересовался:

— Катюха, это кто? Твоя подруга? Познакомишь?

— Мы и сами еще незнакомы, — призналась блондинка.

— Меня зовут Оля. Оля Воробьева! — поспешно представилась новенькая.

— Воробьева? — обрадовалась блондинка. — А я — Силицына!

— Пернатое царство, — хмыкнул коренастый. — А я — Игнат!

— А я — томат, — передразнила шатена блондинка, оскорбившись на «пернатое царство».

Оля не удержалась от смешка.

— Ой, да ну вас! — покраснел Игнат, теперь действительно напомнив помидор. — Уже спелись!

Ася Лавринович

Когда Игнат вошел в класс вслед за блондином, Синецyna повернулась к новой знакомой.

— Между прочим, мой бывший сосед по парте, — кивнула в сторону парня Синецyna. — Только я от него недавно отсела. Достал меня!

— Ммм, — промычала Оля. — А-а-а... тот блондин кто?

Синецyna обернулась в сторону распахнутой двери.

— Егор? Он тебе понравился?

Оля, почувствовав, что краснеет, уставилась в окно, за которым сплошной стеной лил дождь.

— Просто хочу всех узнать, — наконец пролепетала она.

— Ой, он на нас даже не посмотрит, — огорченно покачала головой Синецyna. — Такой пижон!

— Ну и ладно! — рассмеялась Оля. — А ты, значит, Катя?

Оля припомнила, что Игнат назвал блондинку «Катюхой».

— Вообще-то мне больше нравится, когда меня называют Риной. Но это для близких...

— А мне тебя... — начала Оля.

— Называй Риной, — разрешила Синецyna.

Девчонки улыбнулись друг другу.

«Все оказалось не так страшно!» — подумала Оля. Перемены — это волнующе, но не смертельно. Вот Синецyna, кажется, отличная девчонка. Такая доброжелательная...

Рина, заметив, что Оля смущенно топчется у порога, схватила новую знакомую под локоть и повела в кабинет, где что-то бурно обсуждали десятиклассники. Одни, заметив вошедших, примолкли и с интересом уставились на девчонок. Другие не обратили на Олю и Рину никакого внимания.

— Моя парта — четвертая в первом ряду, — проинструктировала Синецyna. — Тебе повезло: как раз одна сжу. Только чур я у окна!

Оля слабо улыбнулась. Она чувствовала на себе внимательные взгляды одноклассников, от волнения ноги стали ватными, щеки горели. Нет, все-таки первый день в новой школе — это очень страшно!

Оля села за четвертую парту и осторожно достала из сумки смартфон, тетрадь, яркий пухлый пенал...

— Пенал? — удивилась Рина. — Не думала, что ты такая зануда!

— Ну да, — смутилась Оля. — Пенал. А как еще? У меня тут и ручки по цветам разложены, два ластика с банановым и клубничным ароматом.

— Два ластика? Цветные ручки? — громко засмеялась Рина, привлекая к себе внимание остальных одноклассников.

Оля почувствовала, что снова краснеет.

— Игнатик! — обернулась к коренастому Рина. Парень сидел за пятой партой. — У тебя есть запасная ручка?

— Чего? — опешил Игнат.

— Ручка, говорю, запасная в наличии? Ты вообще андегенд меня?

Игнат озадаченно почесал широкую переносицу.

— Стержень где-то завалился... Погоди!

Игнат полез в рюкзак и долго в нем копался, пока не выудил на свет стержень, чернила в котором уже почти закончились.

— Держи! — протянул он его Синицыной.

— Фу! Убери! Обгрызенный какой-то! — Рина пренебрежительно фыркнула и отвернулась. — Вот, видишь! А ты по цветам ручки раскладываешь. Больно собранная!

Оля растерянно пожала плечами.

— Еще с начальной школы привыкла, — в свое оправдание произнесла она.

— С начальной школы? Девочка моя, взрослей! Это старшие классы.

Рина снова расхохоталась. Игнат, заинтересовавшись, что происходит у девчонок, ткнул Синицыну пальцем в спину:

— Что там у вас? Катюха, расскажи!

— Отвалиссимо! — буркнула Рина. Затем наклонилась к Оле и прошептала ей на ухо: — Если хочешь стать популярной, лучше с Игнатом не общайся!

Ася Лавринович

— Это еще почему? — озадачилась новенькая.

— Его не слишком уважают в классе, он — лошара! Учит-ся хуже всех. Это уж я с ним так, по-соседски.

Оля осторожно обернулась и украдкой посмотрела на Игната. Парень в это время с самым презабавным выражением лица играл в телефон, высунув кончик языка. Вот так делить людей на достойных и не достойных общения... Крест на человеке ставить? Глупости!

— И с кем же мне еще не советуешь общаться? — осторожно поинтересовалась Оля у Рины, разумеется, не собираясь следовать ее советам.

— Так-так-так! — Синицына оглядела класс. — Игошина за первой партой — просто жу-у-уткая зануда! В секунде одевается. Носит старомодные шерстяные юбки, и туфли у нее забавные. Тупоносые такие, с пряжкой, как у Маркиза Карабаса. — Рина снова засмеялась.

Оля внимательно разглядывала Игошину. Серая водолазка, тугая темная коса до пояса. Оля тоже носит длинные волосы и часто заплетает их. А если и ее вдруг сочтут жуткой занудой? Вон же, за любовь к цветным ручкам высмеяли.

— Вон тот — Ромка Плетнев. Ага, косоглазый. Он с Игнатом дружит. В третьем классе кто-то спалил, что он козьявки на уроках жует, с тех пор его у нас тоже не жалуют. А еще вот та, Вероника... У нее...

— Хорошо! — не выдержала Оля. Рина Синицына уже не казалась ей такой славной, как в самом начале их знакомства. Но Оля села с ней за одну парту, скоро прозвенит звонок, куда уж отступать... — А с кем мне можно общаться?

Этот вопрос она задала с сарказмом, но Синицына его не уловила и охотно продолжила:

— Например, я — крепкий середнячок!

Рина произнесла это так гордо, будто она, по крайней мере, серебряный призер чемпионата Европы по какому-нибудь виду спорта.

— Учусь нормально, авторитет в коллективе какой-никакой имею. Конечно, высший класс — это с Егором Власовым замутить, но, говорю ж, он на тебя даже не посмотрит!

Рина мечтательно вздохнула. Оля отыскала глазами блондина. Парень сидел в третьем ряду. В этот момент Егор, вальяжно откинувшись на спинку стула, с обаятельной улыбкой что-то рассказывал соседу по парте.

— Даже не пялся в его сторону, — предупредила Рина, перехватив взгляд своей новой знакомой. — Это дохлый номер.

— Он мне и не нужен! — Стараясь скрыть смущение, Оля пренебрежительно усмехнулась. — У меня вообще-то парень есть.

— Да-а? — оживилась Рина. — А вот это уже интересно! Студент? Или ровесник? Только не говори, что младше. Тогда это вообще отстой!..

Оля и слова не могла вставить в болтовню Риной Синицыной.

— Потом расскажу, — наконец угрюмо отозвалась она, поглядывая на настенные часы. С минуты на минуту должен был раздаться звонок на урок.

— А почему ты перевелась к нам аж после осенних каникул? — поинтересовалась Рина, распутывая наушники. Из чего Оля сделала вывод, что слушать учителя Синицына не собирается. Как же она тогда получает хорошие оценки?

— Мы жили в Тосно. Потом папа получил хорошую должность — и вот, переехали, — сообщила Оля.

— А кто он у тебя?

— Лингвист.

— Неинтересно! — вздохнула Рина.

Воробьева пожала плечами и отвернулась от Синицыной. А что ей было бы интересно? Если б отцом Оли оказался Леонардо Ди Каприо?..

От нечего делать снова принялась рассматривать одноклассников. Скользнула взглядом по Игошиной, чуть дальше

Ася Лавринович

положенного наблюдала за Егором. Нет, пусть он и симпатичный, но самовлюбленные снобы совсем не в Олином вкусе!

И тут в дверном проеме показалась высокая хрупкая девушка с густыми темными волосами до лопаток. Оля, неожиданно для себя, загляделась на вошедшую одноклассницу. Брюнетка будто плыла по классу, бережно прижимая к груди большой блокнот, из которого торчали яркие неоновые закладки. Дошла до третьего ряда и, ни на кого не обращая внимания и ни с кем не здороваясь, села за вторую парту. Оля тут же взглянула на Егора. Как чувствовала, что он тоже будет наблюдать за брюнеткой.

Девушка села на свое место как раз в тот момент, когда раздалась трель школьного звонка. Не вынимая из ушей беспроводные наушники, аккуратно разложила на парте вещи.

— Кстати, о популярности! — снова склонилась к уху Оли Рина. — Если хочешь добиться успеха в нашей школе, попробуй подружиться с ней! Пока это никому не удавалось.

— И кто она? — спросила Оля, не отрывая взгляда от темноволосой девчонки. Та, в свою очередь, раскрыла один из учебников и, плавным движением заправив за ухо темную прядь, склонилась над книгой.

— Это Цветолина! — ответила Синицына. — Самая популярная девочка в параллели.

— Цветолина? — переспросила Оля. — Интересное имя. Впервые слышу!

— Угу! Вроде болгарское! — хмыкнула Рина. — Интересное. Она и сама не простая. Перевелась к нам в девятом классе. Никто так и не понял, как к ней подобраться.

— Но почему же она тогда популярна? — удивилась Оля.

— Мы с бабами прозвали это явление «феномен Цветолины!» — хихикнула Рина. — Все негласно хотят быть похожими на Цвету, а почему — фиг знает. Давай порассуждаем?

Оля кивнула. Почему бы и не порассуждать? Тем более учитель биологии задерживается.

— Будем объективны: Цвета красивая. И учится хорошо. При этом не занудливая заучка, вроде той же Игошиной. А еще Цветолина круто одевается. В конце прошлого учебного года стала носить белые «Мартинсы» со светлой подошвой. Угадай, кто с этой осени носит точно такие же?

— Кто? — спросила Оля.

— Да все старшеклассницы!

— Но почему?

Рина только пожала плечами:

— Говорю же: «эффект Цветолины» в действии.

Тут в класс вошел учитель, и девчонкам пришлось замолчать.

Весь урок Оля, то и дело отвлекаясь от лекции, мыслями возвращалась к загадочной Цветолине. Интересно, почему эта девочка ни с кем не дружит? Оля снова посмотрела в сторону одноклассницы, а затем перевела взгляд на Егора. Тот ничего не записывал, только гипнотизировал спину Цветы. «Ага! Власов точно к ней неравнодушен!» — отметила про себя Оля. И это открытие ее почему-то обрадовало. Всего лишь первый урок в новой школе, а она уже в курсе кое-каких местных сплетен. Она, толком не зная этих ребят, успела их раскусить! Мысли Оли перебил строгий голос учителя:

— А у нас внезапно появилась новая ученица? Я сразу и не заметил. Представьтесь, пожалуйста!

Растерянная Оля поднялась с места. Тут же к ней обернулись все одноклассники. В том числе и Цветолина. Девочка совсем смутилась.

— Здравствуйте! Я — Оля Воробьева!

— Очень приятно, Оля Воробьева, — улыбнулся пожилой учитель биологии. — В какой школе вы учились до этого?

— Мы с семьей переехали из Тосно. Совсем недавно, — откашлявшись, проговорила Оля.

Ребята не спускали с новенькой внимательных глаз. Только Цвета с равнодушным видом отвернулась и снова обратилась к книге. Оле почему-то стало обидно.

Ася Лавринович

К счастью, учитель не стал подробно расспрашивать новую ученицу о предыдущей школе. Оле и без того было неудобно стоять перед ребятами, изучающими ее с ног до головы.

Оставшуюся часть урока ей некогда было разглядывать новых одноклассников. Оля едва успевала вести конспект, подчеркивая важное цветными ручками.

После звонка Цветолина одной из первых покинула класс. Оля так долго собирала вещи, что Рина начала в нетерпении подпрыгивать на месте.

— Пока все свои ручки в пенал сложишь, — проворчала Сеницына. — Перемена после первого урока, между прочим, всего пять минут!

— Я готова! — пропыхтела Оля, закидывая за спину рюкзак. — Бежим!

У доски они столкнулись с Игошиной, которая сосредоточенно изучала плакат «Строение мышц человека».

— Иго-гоша, ты чего подвисла? — хмыкнула Сеницына. — Юль, оглохла, что ли?

Тут же за спиной Оли и Рины возник Егор.

— Она впервые мужика голого рассматривает, — подал голос Власов. — Не мешай!

Сеницына снова громко расхохоталась, а Егор продолжил:

— Игошина, тебя какая мышца тут особенно заинтересовала? Большая ягодичная?

Юля от громкого смеха Рины словно очнулась, подскочила на месте и уставилась на одноклассников.

— Это для моей научно-исследовательской работы, — зашепеля она, — по анатомии.

— По анатомии? — тут же откликнулся сосед Власова по парте — невысокий подкачанный шатен. Оля на уроке даже его рассматривать не стала. С поставленными на щеках, губастый и с неприятной улыбкой, похожей на оскал. А сомнений, кажется, хоть отбавляй. — Иго-гоша, строение мышц ты можешь и на мне изучить!

С этими словами парень схватил Юлю за руку и приложил ее ладонь к своему сердцу.

— Слышишь, как отчаянно стучит? — заглядывая в глаза однокласснице, усмехнулся он. — Это все из-за тебя!

Егор и Рина снова негромко рассмеялись. Юлия Игошина покраснела до кончиков ушей. А Оля с недоумением переводила взгляд с Синицыной на Власова. Они серьезно? По их мнению, это смешно? Одноклассники откровенно веселились над Игошиной. Оля думала сказать что-нибудь в защиту бедной смущенной девчонки, но смолчала. Не хотелось в первый учебный день лезть в чужой монастырь со своим уставом.

— Сейчас сердце из груди выскочит, вот, потрогай еще раз! — прохрипел друг Егора Власова, пытаясь затолкать ладонь Игошиной под свою футболку. Юлия резко отдернула руку, слово уколовшись о шипы, и пулей выскочила из опустевшего класса, громко хлопнув дверью.

— Вадик, офигеть, ты ее смутил! — смеялся Егор.

— Я думала, она головой дверь выломает! — веселилась рядом Рина.

Оля неуверенным движением подтянула широкие лямки рюкзака на плечах. Вадик, самодовольно улыбаясь, обратил внимание на новенькую. С интересом осмотрев ее, проговорил:

— Добро пожаловать в наш класс, Оленька Воробьева!

— Спасибо! — отозвалась девочка, внутренне пожившись от «Оленьки».

— Идем на алгебру, — потянула Олю за рукав нарядной блузки Синицына.

Выйдя в коридор, Рина протянула:

— Ну-у, все с вами понятно, голубки!

— Голубки? — растерянно отозвалась Оля, оглядываясь.

— Между тобой и Вадиком явно искра пробежала! — довольным голосом проговорила Рина. — Он так откровенно на тебя пялился! Думала, сожрет взглядом.

Ася Лавринович

— Что? — задохнулась от возмущения Оля. — Нет же! Не правда!

Человека неприятней, чем этот болван Вадик, Оля Воробьева в ту минуту и назвать не могла. Так насмеяться над бедной Игошиной...

— Не такая уж ты недотепа, как я сначала подумала. Молодец, выбрала правильную тактику! — подмигнула новенькой Рина. — Не сможешь подобраться к Егору, замути с его лучшим другом.

— Фу, не хочу я ни с кем мутить! — искренне воскликнула Оля. Кажется, чересчур громко, на весь коридор. Встретившись с удивленным взглядом незнакомой женщины, смутилась.

— Наша математичка! — шепнула Рина. Оля только вздохнула. Час от часу не легче. — Но почему ты не хочешь замутить с Вадиком? Классный, подкачанный, с чувством юмора. Кожа проблемная, ну так и пофиг! Популярность того стоит!

Оля не могла поверить, что об этом можно говорить всерьез.

— Ах да! У тебя же есть парень, — внезапно помрачнела Синицына. — Я уж думала благодаря тебе вольемся в их тусовку. Слушай! — Лицо Рины снова просияло. — А вы долго встречаетесь? Может, ты его бросишь? Ради Вадика.

Оля только головой покачала. Вообще она этого парня только сегодня выдумала, чтобы Синицына не приставала с разговорами по поводу Егора. А теперь вот и Вадика записали в потенциальные ухажеры.

— Понимаю, сейчас ты не готова обсуждать это, — продолжала воодушевленная Рина. — Вернемся к разговору после уроков. Хватит такого срока?

Оля только укоризненно взглянула на одноклассницу.

— Что? Мало? День? Неделя?

Воробьева молчала.

— Блин, Оля, думай быстрее! Вадик может к тебе остыть.

— Вот жалость-то будет! — буркнула Оля, заходя в класс математики.

На следующих уроках Рина то и дело снова пыталась завести подобный разговор, но Оля преимущественно отмалчивалась. К концу занятий Сеницына сделала вид, что смертельно обиделась на новенькую, и больше с ней не разговаривала.

Несмотря на то что первый учебный день обернулся для Оли настоящим стрессом, домой девочка возвращалась в приподнятом настроении. Ноябрь в этом году выдался теплым. С утра шел сильный дождь, а сейчас — ни намек на непогоду. В прозрачных лужах отражаются нарядные фасады домов, огромное небо с бесформенными облаками и тусклое осеннее солнце. По дороге Оля зашла в магазин и купила плитку молочного шоколада, чтобы за ужином разделить ее на три равные части. Одну ей, вторую маме, третью папе. Вдали от родного дома и привычной жизни нельзя забывать про семейные ритуалы.

Вечером Оля сделала уроки, перепроверив ответы несколько раз. И все параграфы по устным предметам заучила, чтобы не ударить в грязь лицом перед незнакомыми учителями. И так утром раскричалась по поводу Вадика на весь коридор. Оле не хотелось, чтобы математичка сочла ее ветреной и глупой.

Расправившись с уроками, Оля подошла к зеркалу и критически осмотрела себя. И хотя на нее обратил внимание популярный Вадик, в этот вечер она показалась себе очень уж посредственной. Низкий рост, парочка лишних килограммов и эти ненавистные веснушки! Оля приподнялась на носочки. Вот стать бы такой же высокой, длинноногой, как Цветолина... Оля узнала фамилию одноклассницы — Константинова. Сегодня Цвету вызвали к доске на уроке литературы, и Оля с удовольствием прослушала ее анализ стихотворения Тютчева. А как выразительно Константинова читала наизусть!

Ася Лавринович

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...
Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас...

Во время ответа Цветолины все взгляды были прикованы к ней. Но всех мечтательней на девушку смотрел красавчик Егор Власов.

«Почему на некоторых любят, затаив дыхание, а другим достается непозволительно много веснушек на лице? — с тоской подумала Оля. — Хотя мама говорит, что они меня совсем не портят!»

Девочка снова покрутилась перед зеркалом. Единственное, что ей, несомненно, нравилось в себе — это длинные волосы. Они были такими густыми и тяжелыми, что чаще всего Оля носила их распущенными. Чтобы не лезли в глаза — натягивала ободок. Заплетать тугую косу, как у Игошиной, почему-то больше не хотелось. Подумав об этом, Оля нахмурилась. С каких это пор ее стало волновать общественное мнение?

В комнату заглянула Ксения Борисовна, мама Оли.

— Что ты делаешь? — улыбнулась она, глядя, как дочь стоит на носочках перед зеркалом и придирчиво осматривает себя.

— Мне надо похудеть! — капризно отозвалась Оля.

— Глупости! — поморщилась мама. — Куда худеть? Хочешь совсем исчезнуть?

— У меня большие бока! — упрямо проговорила Оля. — И ляжки толстые!

Мама негромко рассмеялась.

— Вижу, первый день в новой школе прошел плодотворно. Тебе понравился какой-то мальчик?

Первым делом Оле на ум пришел симпатичный Егор Власов. Потом она вспомнила про противного Вадика и поморщилась. Даже фамилию его не запомнила. Но на желание измениться скорее повлияла Цветолина. Вот бы про нее, Олю, кто-то рассказывал с таким восхищением!

— Нет, мамочка, мне никто не понравился! — покачала головой Оля.

— Тогда к чему эти стенания? — удивилась женщина.

Оля присела на край кровати вместе с мамой.

— Как тебе новый класс?

— Не знаю, — честно сказала девочка. — В моем прежнем классе такого не было. Все дружные и доброжелательные. А тут... деления какие-то! Этот популярный, тот изгой... Не могу понять, с кем мне дружить. Голова кругом!

Ксения Борисовна подавленно молчала. Затем проговорила:

— Что ты хочешь, большой город.

— Папе об этом, разумеется, не стоит говорить? — спросила Оля.

— Он так переживает из-за того, что нам пришлось оставить прежнюю жизнь, — вздохнула мама. — У тебя новая школа, я пока не могу найти работу. Боюсь, папа еще больше расстроится, если узнает, что ты ни с кем не можешь подружиться.

— Почему это не могу? — улыбнулась Оля. — Очень даже могу! Уже подружилась. С Катей... Синицыной!

— Хорошая девочка? — спросила Ксения Борисовна.

Оля вспомнила, как Рина злорадно хохотала над бедной заклеванной Игошиной и неуверенно кивнула.

— Хорошая, — сказала она, чтобы не расстраивать маму. — Они все хорошие. Не переживай! Это был только первый день. Разберусь!

Когда мама вышла из комнаты, Оля легла на кровать и уставилась на высокий белый потолок. Ее новая комната в квартире, которую сняли родители, казалась девочке

Ася Лавринович

неуютной. Но больше всего пугал подъезд. Темный, мрачный, с огромными лестницами и облупившейся старой краской. Хотя вид из окна Оле нравился: небольшой сквер с парой скамеек и старыми могучими липами. У родителей окна выходили на двор с помойными баками. Унылое зрелище.

Оля, вздохнув, потянулась к ноутбуку, который лежал на кровати...

Глава вторая

Опубликовано в 20.15

ПРО ПОПУЛЯРНОСТЬ

«Как думаешь, что такое популярность? Помню, в детском саду на новогоднем утреннике у меня была самая красивая диадема. Тогда все девочки мечтали о такой же, а все мальчики хотели со мной танцевать и даже дружить. Диадема потерялась в тот же день. И волшебство рассеялось. Я сразу перестала быть самой популярной...»

Как думаешь, чего мне хочется сейчас больше всего? Популярности? Скорее уж, потерять, как та самая диадема...»

(К): Оля, ты снова грустишь?

(S): Немножко.

(К): Кто обидел? Скажи.

(S): Ты не должен обо мне беспокоиться. Кто мы друг другу? Просто посторонние люди.

...

(S): Теперь ты молчишь? Не дуйся! Не хотела тебя задеть.

...

(S): Ау! Ну, ты что? Не молчи, пожалуйста!

(K): Не молчу! В толчок ходил)))

(S): Ты невозможный человек!

(K): Простите. В клозет!

(S:)))

(S): Просто иногда это так мучительно... Ждать ответ от того самого человека.

(K): Так что там у нас про популярность?

(S): Ты ею пользуешься?

(K): Скорее, это она использует меня на полную. Ты хочешь стать популярной?

(S): Глупости. У меня просто снова внезапный приступ одиночества.

(K): Знакомо. Улыбнись, любовь моя! Ты даже не подозреваешь, насколько я рядом.

* * *

Шкряб. Шкряб. Шкряб.

— У меня по физике ответы в домашке не сходятся! — причмокнув, проговорила Рина.

И снова заскребла чайной ложечкой по полупустой баночке с клубничным йогуртом: шкряб, шкряб, шкряб...

— У кого-нибудь есть еще такая фигня?

Девочки продолжили молча обедать. Лишь одна из них, Яна Пучкова, пожала плечами:

— Я вообще физику не делала. Вчера поздно домой вернулась, с Никитой гуляла.

— О-о-о! — протянула любопытная Синицына, облизывая ложку. — И как? Поцеловал наконец?

— Ой, да ни фиги! — поморщилась Яна. — Даже не обнял. Просто довел до подъезда, по плечу похлопал, будто я братан его. Уже две недели, как два детсадовца на прогулке, за ручку ходим. Бесит!

— Первая его поцелуй, — посоветовала Рина.

Ася Лавринович

— Вот еще! — дернула плечиком Пучкова. — Перетопчется! Вот в субботу в кино позвал, говорит, билеты взял на «love seats».

— Это что такое? — спросила Оля.

— Сдвоенные кресла, — пояснила Синицына. — Ну-ну, и что дальше?

— Ну что «что»? — вспыхнула Яна. — Надеюсь, поцелует. Правда, на какой-то ужастик идем. Я их терпеть не могу! В последний раз так взвизгнула от страха, мужик рядом со мной ведро попкорна на пол уронил. Думала, шею мне там от злости в темноте свернет. Лучше б Никитка на мультфильм позвал!

Девчонки дружно рассмеялись. Оля тоже улыбалась, пока не встретила с внимательным взглядом Синицыной. Рина отодвинула в сторону пустую баночку из-под йогурта.

— Ну а у тебя как? — спросила она у Оли.

— Что «как»? — Оля едва не поперхнулась куском пиццы.

— Как с Вадиком? — хитро прищурившись, поинтересовалась Синицына.

— А что у вас с Вадиком? — тут же встрепнулись остальные девчонки.

— Есть маза к ним в компанию попасть, — счастливо известила одноклассниц Рина.

— Нет у нас ничего с Вадиком! — Оля с раздражением закатила глаза. — И быть не может.

Девчонки вразнойой стали доставать Воробьеву вопросы сами:

— Он на тебя запал?

— Тебе не нравится Филимонов? А кто нравится?

— С ума сошла? Это круто и почетно — быть девчонкой Вадика!

Оля только смущенно опускала глаза. Ну, Рина! Надо же так подвести!

— У нее просто вроде как уже парень есть, — снова встряла Синицына. — Слушай, да брось ты своего малолетку!

— Почему это он малолетка? — оскорбилась Оля за своего выдуманного парня.

— Ну сколько ему лет? — не унималась Сеницына.

— Шестьдесят! — буркнула Оля.

— Ха-ха! Шутница!

Оле не хотелось ссориться с девчонками, но и разговоры про Вадика жутко раздражали. Тем более Филимонов продолжал оказывать внимание. То дверь в классе придержит, то комплимент отвесит, при этом ехидно ухмыляясь. Даже в друзья добавился, но Оля так и не подтвердила дружбу, оставив Вадика в подписчиках.

— Ладно, не дуйся! — примирительно сказала Рина. — Просто такой шанс... Там, где Власов с Филимоновым, всегда веселье. Они такие тусы устраивают, но вход для избранных.

Оля только пожала плечами. Мол, простите, девочки, но ничем не могу помочь. Ну, если не нравится человек, насильно заставлять себя общаться с ним ради популярности и вечеринок? Глупости!

Сеницына быстро переключилась на другую тему.

— Янка, пока ты там со своим детсадовцем гуляла на выходных, смотрите, что я сделала! — Рина приподняла длинные светлые пряди волос, оголив уши. — Трагус!

— Чего-чего? — начали приглядываться к Рине девочки. — Пирсинг, что ль?

— «Чево-чево!» — передразнила подруг Сеницына. — Село! Прокол козелка! Как у Цветолины.

Оля только тихо вздохнула. Всего за три дня, что она учится в новой школе, Воробьева уже успела заметить, что десятиклассницы просто помешаны на Константиновой.

— Разве у нее есть такое? — удивилась Яна.

— Ага, колечко серебряное! Никто не обращал внимания?

Девчонки покачали головами, а Оля с тоской уставилась в ту сторону, где в одиночестве сидела Цветолина Константинова. Сегодня Оля с Цветой стояли рядом в очереди в столовой, и Оля отметила, что на обед «кумир десятиклассниц»

Ася Лавринович

поставила на поднос лишь рис с овощами и чай. А вот Оля потянулась сразу за двумя кусками пиццы. Как тут избавишься от ненавистных лишних килограммов, когда никакой силы воли? Вон та же Синицына насмотрелась на Цветолину и одни йогурты на обед лопает. Хотя ей и худеть не надо. Такая же длинная и тощая, как Цвета. Только блондинка.

Цветолина сидела у столика возле окна в наушниках и что-то смотрела в телефоне. К рису даже не притронулась. Оля снова вздохнула и отодвинула от себя тарелку с недоеденным куском пиццы. Нет, все-таки нужно начать худеть.

Оля перевела взгляд на столик, за которым сидели другие ее одноклассники. Быстро отыскала глазами Егора Власова. Парень, отпивая чай, то и дело поглядывал в сторону Цветы.

— Кого высматриваешь? — подседа к Оле Рина. — Вадика?

«Вот же наблюдательная!» — с раздражением подумала Воробьева.

— Власову нравится Цветолина? — спросила Оля.

— Ха! Спрашиваешь! — воскликнула Синицына. — Они вроде как даже мутят.

— Ничего себе! — удивилась Оля. Цвета стала встречаться с таким, как Власов? Даже странно... Конечно, Воробьева не успела пообщаться с Егором, но пока создавалось впечатление, что он ничего из себя не представляет. «Нельзя судить о людях, не познакомившись с ними ближе!» — одернула себя Оля. Цветолина же что-то в нем нашла. А она показалась Воробьевой интересной девушкой.

— Ага, — продолжила Рина, радуясь возможности лишней раз посплетничать. — Говорят, они на свиданку пару раз ходили. Видели их в «Шоколаднице»! Хотя, может, Цветик ему от ворот поворот уже дала, потому что в школе ни намек нет на то, что они вместе.

— Это точно, — с задумчивым видом согласилась Оля. За все время обеда Цвета, кажется, и не взглянула на Власова.

А потом в столовой появились одиннадцатиклассники, которых задержали на каком-то мероприятии для будущих выпускников.

— Ох, Лисин! — выдохнула Рина. — Я так и болтаюсь у него в заявках в друзья. Бабье, он кого-нибудь одобрил или нет с той субботы?

Девчонки только удрученно покачали головами.

— В первых числах ноября пересеклись с Лисиным в одной компании, — начала негромко наговаривать Оле на ухо Рина. — Потом мы с бабами его в соцсетях нашли. Он даже не знал, что мы в одной школе учимся, прикинь? Ну, или просто выпендрился! Вот как человеку на всех до фонаря. Умеет же цену себе набить!

Пока Синицына болтала, Оля определила, кто из вошедших тот самый Лисин. Высокий, русоволосый, с пронзительными серыми глазами и напускным равнодушием. Оля уже по привычке бросила взгляд на Цвету и с удивлением обнаружила, что Константинова глаз не сводит с Лисина.

— Как его зовут? — машинально спросила Оля у Рины.

— И этот понравился? — лукаво посмотрела в сторону новоиспеченной подруги Синицына. — Губа-то не дура. Как твой шестидесятилетний парень отреагирует на это? — Рина расхохоталась. — Ладно! Его зовут Глеб. Красивый?

— Красивый! — согласилась Оля. Зачем скрывать очевидное? Красивый и взрослый. По сравнению со статным Глебом Егор Власов — просто смазливый юнец.

— Смотришь на него, и время будто останавливается! — мечтательно проговорила Рина.

Судя по всему, Лисин встретился взглядом с Цветой, потому как девушка тут же нахмурилась и опустила голову, снова уткнувшись в телефон.

— Видели? Бабы, видели? — зашипела Рина. — Блин, разрази меня гром, если между ними ничего нет!

— Между кем? — озадачилась Оля. — А как же Егор?

Ася Лавринович

Синицына только отмахнулась от Воробьевой, как от надоедливой мухи.

Оля же восхищенно взглянула на Цветолину. Ну, Константинова! Вот тебе и «никто не разобрался, как к ней пообщаться!»! Самые популярные старшеклассники очень даже нашли подход.

— Почему ты думаешь, что между ними что-то есть? — заинтересовалась Оля. На всю эту ситуацию она смотрела, словно на сериал. Нет, в ее прошлой школе таких интриг не было. Конечно, в их классе тоже были love story, но там ничего интересного. Например, Лена Иванова встречалась с Васей Потаповым с четырнадцати лет. И что? Скучища. Никаких интриг! Оба правильные до зубовного скрежета. А тут, кажется, нарисовывается что-то интересное...

Рина не ответила, продолжая следить взглядом за Глебом. Лисин с подносом в руках направился к своим друзьям. Дойдя до места, где сидела Цветолина, молча задвинул ногой под стол ее черный школьный рюкзак, оставив на нем пыльный след от подошвы кроссовки. Цвета подняла голову и отправила Глебу выразительный гневный взгляд. Лисин усмехнулся и прошел дальше к столику, за которым сидели одиннадцатиклассники.

— Ай! — опять подала голос Синицына. — Бабу, вы видели? Видели это?

Девчонки закивали. И Оля в том числе.

— Бли-ин! — протянула восторженно Рина. — Как интересно, что между ними происходит! Обычно делают вид, что друг с другом совсем незнакомы, а тут... Я с ума от любопытства сойду, если все не выведаю. Ладно, скоро урок начнется. Девки, собираемся! Оля, я учителя предупрежу.

Воробьева сегодня была дежурной. После звонка собрала чашки и тарелки, отнесла их на кухню, схватила с подоконника рюкзак и направилась прочь из столовой. Быстро она со всем управилась, можно на урок особо не спешить. Синицына уже успела проинструктировать, что у них дежурство

в столовой — причина очень уважительная для опоздания. Ругать не будут.

Оля поднималась на второй этаж, когда услышала непонятный шорох. Выглянула в пролет и обнаружила под лестницей Константинову и Лисина. Ребята стояли друг напротив друга. Оля видела только русоволосую макушку Глеба и напряженное лицо Цветы, которая, скрестив руки на груди, не сводила с парня рассерженного взгляда.

— В следующий раз помни, что за тобой могут идти люди, — наконец проговорила Цветолина. — Ты, Лисин, пещерный человек, что ли?

И Оля замерла на месте. Ого, какая слышимость! Если она сейчас начнет подниматься по лестнице, ее точно заметят. Еще решат, что подслушивает. Хотя этим Воробьева в ту минуту и занималась.

— Мог бы придержать дверь! — проворчала Цвета.

— Пальчик прищемила? — усмехнулся Лисин. — Дай подую.

Цветолина продемонстрировала Глебу неприличный жест. Парень негромко рассмеялся и все-таки дунул на средний палец Константиновой, разметав темные пряди по лицу девчонки. Цвета на мгновение зажмурилась, а затем открыла глаза, шумно вздохнула и зло произнесла:

— Ненавижу тебя еще больше!

Оля после такого признания затаила дыхание.

— Это из-за чего же? — с издевкой изумился Глеб.

— Будто ты не знаешь, из-за чего...

Лисин наклонился к Цветолине и внимательно посмотрел ей в глаза:

— Ты в порядке? Головка не бо-бо?

— Иди ты, — поморщилась Цвета, выдержав взгляд парня. — У кого с головой проблемы, так это у тебя!

— Считаешь, я пришел к вам в дом, взял за ручку папаню и как маленького привел к своей матери?

— Не называй моего отца папаней! — сердилась Цвета.

Ася Лавринович

— Папулей? — невинно спросил Глеб.

— Нет!

— Папенькой? Папочкой? Батяней? Батюшкой?..

— Замолчи! — не выдержала Цветолина. — Для тебя он Георгий Иванович! Вот за это я тебя и ненавижу! Потому что тебе ситуация кажется комичной, и ты не упустишь момента пошутить на эту тему. А мне было больно. И сейчас больно! До сих пор. Папа ушел, сильно ранив, а ты мне словно соль сыплешь на разодранную душу!

Глеб молчал. И Цвета молчала. Гневно сверлила Лисина взглядом. Оля вытянула шею, чтобы получше рассмотреть ребят. Ее впечатлила речь Цветы. Даже сердце болезненно екнуло. Нет, Оля и представить себя не могла на месте Цветолины. После такого Глеб должен обязательно Константинову пожалеть! Притянуть к себе, обнять, осторожно погладить по волосам...

— Как считаешь, может, мне фамилию сменить? — вместо этого спросил Лисин.

— Что? — опешила Цветолина.

— Раз уж мы теперь одна дружная семья. Тебе повезло, ты с отцом шестнадцать лет прожила. А я своего даже не видел ни разу, так на фига мне сдалась его фамилия? А тут... Глеб Константинов. Звучит? Пасынок доктора наук Глеба Ивановича Константи...

Цвета вlepила Лисину звонкую пощечину. Оля даже произвольно схватилась холодными ладонями за лицо.

Глеб продолжал стоять как ни в чем не бывало, засунув руки в карманы брюк. Некоторое время он молчал, а потом с насмешкой проговорил:

— А про нас с тобой тогда будут говорить: ах, посмотрите, кто идет! Это же Константиновы! Хорошенькие какие, они не двойняшки? — Глеб расхохотался.

— Ты отвратителен! — выкрикнула Цветолина, схватив с пола школьный рюкзак.

— Систер, ну ты чего? — продолжал веселиться Лисин.

— Не называй меня так! — вскипела Цвета.

Внезапно Глеб стал серьезным:

— Думаешь, я прощу тебе то, что ты влезла в мои отношения с девушкой?

Цвета пожала плечами:

— Подумаешь, избавила бедняжку от лишней головной боли. Просто рассказала девчонке, какой ты гад на самом деле. И что от тебя нужно держаться подальше...

— Чего и тебе советуую, Семицветик! — согласился Глеб.

Цвета так резко развернулась и направилась прочь от Лисина, что Оля растерялась. Сейчас-то ее заметят! Девочка вбежала на несколько ступеней вверх. Как раз в этот момент к лестнице подошли шумные младшеклассники, которых во время урока отправили в медкабинет. Они едва не сбили Олю с ног. Рассерженная Цветолина вышла из-под лестницы. Сразу заметила Воробьеву. К щекам Оли прилил жар. «Она знает, что я все слышала!» — с ужасом подумала про себя Воробьева, в то время как мимо нее, толкаясь, пробежали галдящие дети.

— Привет, — неуверенно улыбнулась Оля, глядя на Цвету.

Константинова, подтянув на плече лямку рюкзака, молча прошла мимо. Оля подняла голову, провожая взглядом Цвету на второй этаж. Да, неудобно получилось! Тут же из-под лестницы выбежал Глеб.

— Привет! — сказал он девочке, стоявшей на его пути.

— Привет! — помедлив, проговорила Воробьева. Растерялась. Не ожидала, что Глеб соизволит с ней поздороваться.

Парень усмехнулся, а затем с интересом оглядел Олю, да так внимательно, что Воробьева разволновалась. Когда на нее пялился Вадик Филимонов, ей было абсолютно все равно.

Глеб, точно так же, как Цвета минуту назад, прошел мимо Оли. До Воробьевой донесся едва различимый аромат мужского парфюма.

Когда лестница опустела, Оля подошла к окну, села на подоконник и прижалась лбом к холодному стеклу. На улице ветер гонял грязные кленовые листья по школьному двору.

Совершенно очевидно, что Цвета осталась не в восторге от того, что Оля подслушивала ее разговор с Лисиним. Наверное, о дружбе с этой девочкой теперь можно забыть. А Оля надеялась на это? Совершенно ясно, что Цветолина ни с кем в школе тесно не общается, так почему нужно делать исключение для Оли? Хотя поначалу Воробьевой показалось, что между ними есть общее. Хотя бы то, что они обе новенькие в этой школе. Белые вороны. И пусть Цвета пришла сюда на целый год раньше, но совершенно очевидно, что чувствует она себя здесь чужачкой.

Оля вдруг подумала: что бы выбрала она? Как Цветолина, ни с кем не общаться или дружить с той же шумной и любопытной Риной, с которой у Оли, кажется, так мало общего? Нет, совсем без поддержки и общения Оля точно не смогла бы. А стремление Синицыной стать популярной... Что ж, каждый имеет право на тараканов в голове. У Оли вот, например, странная привычка — есть мороженое на улице зимой. Сколько раз мама ее отчитывала за это. Однажды Воробьева даже слегла с сильной ангиной. Но избавиться от желания слопать пломбир на морозе так и не могла. Оля вспомнила приятное чувство, когда после холодного мороженого режет горло, и усмехнулась. Вот это странность так странность... Мазохизм! А она еще о Синицыной плохо думала!

Ветер за окном все сильнее клонил к земле деревья, свирепо трепал оставшиеся на деревьях листья. Оля спрыгнула с подоконника и взбежала на пролет выше. Хватит думать о глупостях! И так прогуляла почти половину урока.

* * *

Ксения Борисовна поставила на стол кофейник. Оля вдохнула аромат кофе и счастливого воскресного утра.

— Отметим окончание первой учебной недели Ольги в новой школе! — весело проговорила мама, усаживаясь за стол.

— А шоколад? — спросила Оля. — Сегодня воскресенье. Папина очередь!

Юрий Михайлович, отец Оли, молча смотрел в одну точку, чересчур долго размешивая сахар. Оля с мамой с любопытством уставились на него. Он долго не отвечал, и Оля обеспокоенно произнесла:

— Пап, все в порядке?

Мужчина очнулся:

— Да, да... Вполне, вполне. Все замечательно!

Оля и мама переглянулись. Ксения Борисовна широко улыбнулась. И губы Оли неуверенно дрогнули в натянутую улыбку. Если маму такая рассеянность Юрия Михайловича веселила, то дочь уже всерьез беспокоилась за отца. Когда они только переехали в большой город, он был таким счастливым... А теперь с каждым днем становится все отстраненнее. Может, на работе какие-то неприятности? Или до сих пор переживает из-за того, что им пришлось оставить прошлую жизнь?

— О чем вы щебетали, пташки? — виновато улыбнулся Юрий Михайлович.

— Твоя очередь покупать шоколад, — напомнила Оля. — Я покупала в понедельник, мама — в четверг... Сегодня воскресенье!

— Ах, шоколад! — Юрий Михайлович ударил себя ладонью по лбу. — Прости, птенчик, совсем из головы вылетело.

Оля растерялась. Чтобы папа забыл о традиции, которую сам придумал? Уже третий год они втроем пьют чай с плиткой молочного шоколада, которую делят на три равные части...

— Папа, ты не болен? — осторожно спросила Оля.

— Чем? — усмехнулся Юрий Михайлович. — Склерозом?

— Ты в последнее время очень странный, — продолжила Оля. — Что-то случилось?

— Что у меня могло случиться? — Юрий Михайлович попытался придать себе самый равнодушный вид, но Оля виде-

Ася Лавринович

ла, как нервно он комкает край скатерти. Отец проследил за ее взглядом и поспешно отпустил мятый кусок ткани.

— Ольга, можно тебя на минуту? — позвала мама, первой выходя из кухни в коридор.

Оля тут же поднялась из-за стола и отправилась следом за мамой.

— Мы ведь с тобой говорили на эту тему! — нахмурилась Ксения Борисовна. — Оленька, папа до сих пор не может привыкнуть к новому месту. Он думал, все это будет проходить намного легче.

— Мам! Да на нем же лица уже больше недели нет! — зашептала Оля. — Разве ты не видишь: что-то случилось. Он никогда таким не был!

Ксения Борисовна только опустила глаза.

— Ты что-то знаешь? — насторожилась Оля. И тут же девочку обожгло обидой. У родителей никогда не было от нее секретов! По крайней мере, Оле так казалось... А тут разыграли какой-то спектакль! Внезапно девочку осенило: — Мама, у него появилась здесь другая женщина?

От такого открытия даже руки задрожали. Оле сразу вспомнился монолог Цветолины под школьной лестницей. Нет, такое нельзя представить даже в самом жутком кошмаре. Воображение нарисовало страшное: отец уходит в семью уже ненавистного противного Вадика Филимонова. Кажется, теперь Оля понимала чувства Константиновой...

— Что ты такое говоришь! — испугалась мама. — Нет, конечно! Как тебе такое в голову вообще пришло?

В коридор выглянул Юрий Михайлович:

— Пташки мои, вы что, ругаетесь?

Он подошел к жене и чмокнул ее в макушку.

— Кофе идем пить?

Оля теперь смотрела на отца настороженно, словно впервые видела. «Нет, глупости! У меня просто паранойя!» — подумала она.

— Оля беспокоится за тебя, — проговорила Ксения Борисовна. — Говорит, ты сам не свой.

Отец посмотрел в глаза дочери, и Оля совершенно отчетливо разглядела в них отчаяние.

— Глупости! — Юрий Михайлович тихо рассмеялся. — Из-за того, что я забыл купить шоколад? В этом вся трагедия, птенчик?

— При чем тут шоколад? — воскликнула Оля. Родители только переглянулись. Они считают Ольгу за идиотку?

— Не делай из мухи слона! — вздохнул отец.

— Это ты ведешь себя странно, — присоединилась к нему мама. — В школе неприятности? Как оценки?

Оля не на шутку рассердилась. Схватила с вешалки короткий пуховик, вытянула из рукава шапку с большим помпоном.

— Куда ты, птенчик? — растерялся Юрий Михайлович.

— За шоколадкой! — буркнула Оля, уже зашнуровывая ботинки.

— Оставь ее! — покачала головой Ксения Борисовна. — Ты же знаешь, как могут вести себя девочки в таком возрасте.

Дочь подняла голову и, поправив съехавшую на глаза шапку, сердито посмотрела на маму. Оля искренне считала, что ее так и не коснулись проблемы переходного возраста, и сейчас родительница просто переводит стрелки.

Ксения Борисовна негромко продолжила:

— На днях жаловалась, что ей худеть надо. Представляешь? Что за разговоры? Может, дело в каком-нибудь мальчике?

— Я тебя слышу! — громко проговорила Оля, отворачиваясь к двери.

— Птенчик, там, кажется, дождь собирается! — неуверенно проговорил Юрий Михайлович, пока дочь сердито брякала замками. Но Оля в ответ только демонстративно хлопнула дверью. Вот это да! Она впервые поссорилась с родителями. И было бы из-за чего! Неужели так сложно поговорить

начистоту и сказать, что случилось? Она ведь взрослая. Полноценный член семьи! А теперь Оля будет накручивать себя и предполагать самое страшное...

Не успела Оля выйти со двора, как начал накрапывать дождь. Не возвращаться же, в самом деле? «Поморосит и пройдет!» — подумала Оля. Но как только она выбралась на широкий проспект, дождь пошел сильнее, а затем и вовсе превратился в ледяной ливень. Холодные капли заливали лицо, торчащие из-под шапки длинные волосы и мех на куртке тут же намокли. Оля долго петляла по улицам, даже не думая укрыться во время непогоды в каком-нибудь кафе. «Вот заболелю, будут знать, как меня обманывать!» — раздосадованно думала девочка.

Однако спустя двадцать минут Оля уже стучала зубами от холода. К тому же обнаружила, что заблудилась. Остановилась посреди пустой незнакомой улицы и начала растерянно оглядываться. В лицо ударил такой сильный порыв ветра с дождем, что Оля охнула и закрыла глаза руками. Внезапно рядом раздался мужской голос:

— Иди же сюда! Ты насквозь промокла!

Затем кто-то бесцеремонно схватил Олю за влажный рукав куртки и потянул в сторону арки.

Глава третья

Воробьева с интересом разглядывала незнакомого парня, который решил спрятать ее от дождя. На вид Олин ровесник. Невысокий, стройный, септум в носу. И с веснушками, совсем как у Воробьевой. Только девочку на себе они жутко раздражали, а этому пареньку веснушки очень даже шли. Незнакомец стянул с головы капюшон, продемонстрировав необычную прическу: медно-рыжие волосы были подстрижены «под горшок». «Неординарный парнишка!» — подумала

Оля, пытаясь отвести взгляд от своего спасителя. Неприлично же так пялиться! Но в парне было что-то такое, что тут же приковывало взгляд.

Ливень шел стеной, а здесь, в арке, было тихо и сухо. Тогда Оля сняла с головы потяжелевшую от дождя шерстяную шапку. Девочка тут же представила себе, как примялись от головного убора волосы, а намокшие пряди, что торчали из-под шапки, со стороны наверняка напоминают сосульки. Но Олю это не особо расстроило. Вот если б перед ней стоял Глеб Лисин или хотя бы Егор Власов, вот тогда б она жутко смутилась из-за своего непрезентабельного внешнего вида. А тут какой-то незнакомый щуплый парнишка, которого она видит в первый и, вероятнее всего, последний раз. Как-нибудь этот позор переживет!

— Ты заблудилась? — спросил незнакомец.

— Нет! — покачала головой Оля, слизнув с губ холодные дождевые капли.

— Тогда почему ты мокнешь под ливнем? — озадачился парень.

— Специально!

Парень с удивлением посмотрел на Воробьеву:

— Спе-ци-аль-но?

— Ну да... — Оля все-таки смутилась. — Я люблю гулять под дождем.

— В ноябре? Что ж, романтично!

Олю тут же передернуло от холода. И зубы снова застучали друг о дружку. Рыжеволосый парень с сожалением смотрел на дрожащую девчонку.

— Далеко отсюда живешь? — спросил он.

— Достаточно, — вздохнула Оля. Она так долго плутала по улицам, что сейчас могла только примерно предположить, в какой стороне находится дом.

— И я! — улыбнулся парень, и Оля отметила, что у него очень обаятельная улыбка. Надо же, какие милые ямочки на щеках! И когда так широко улыбается, его колечко в носу за-

Ася Лавринович

девает верхнюю губу... — Но я не так сильно промок, как ты. Сразу спрятался.

Оля продолжала дрожать.

— Снимай мокрую куртку! — приказал парень.

— С ума сошел! — ужаснулась Воробьева.

— Давай-давай! — поморщился рыжеволосый, попутно расстегивая свою черную парку.

«Он хочет поменяться куртками?» — озадаченно подумала Оля, уже представляя, как парнишка забавно будет смотреться в ее коротеньком девчачьем пуховике. Под верхней одеждой у Оли был глупый домашний свитшот с феей Динь-Динь. «Ладно, позориться, так на полную!» — решила Воробьева.

Но парень и не думал снимать с себя куртку. Расстегнув ее до конца, распахнул парку.

— Можешь погреться, — смущенно проговорил он.

— Шутишь? — воскликнула Оля. Ее звонкий голос эхом разлетелся по арке.

Парень, покраснев, покачал головой. Воробьева тоже отметила, что, несмотря на холод, щеки ее горят.

— Все, что происходит в арке, останется в арке, — пошутил парень, припомнив фильм «Мальчишник в Вегасе».

Оля вздохнула и сделала неуверенный шаг в сторону рыжеволосого. Потом еще один. Парень тоже шагнул навстречу и, крепко обняв Олю, бережно укутал в свою куртку. Воробьева слышала, как гулко стучит у него в груди. Оля и сама разволновалась. Сердце девочки радостно встрепенулось. Воробьева чувствовала в районе макушки горячее дыхание парня. А еще от незнакомца приятно пахло поросшими травой дюнами и морем. Рыжеволосый казался Оле таким необычным, неординарным, интересным... Такие ребята сразу выделяются в толпе. А вот Воробьевой даже выделиться нечем. Оля вдруг почувствовала себя самой пресной на свете.

— Меня зовут Женя, — наконец представился парень.

— Цветолина! — брякнула Оля и зажмурилась от страха. Зачем она назвалась чужим именем? Захотелось выделиться хоть как-то.

— Цветолина? — Голос Жени прозвучал глухо и, как вдруг показалось Оле, насмешливо.

— Ну да! — Воробьева подняла глаза на нового знакомого и нахмурилась. — Вообще-то имя такое есть. Болгарское!

— Очень интересно! — усмехнулся Женья. Оле тут же захотелось от него отпрянуть, но парень, будто это почувствовав, прижал ее к себе крепче.

Дождь продолжал идти, и со двора-колодца до ребят доносилось звонкое бречание железных карнизов.

— Необычно, — наконец проговорил Женья.

— Знаю, — кивнула Оля, продолжая жаться к малознакомому парню. Может, хоть из-за редкого имени ее запомнит. Это лучше, чем по дурацкому свитшоту с Динь-Динь.

Когда дождь прекратился, Оля с удивлением подумала, что могла бы простоять, обнявшись с Женей, целую вечность. Да и парень как-то нехотя расцепил руки. Оля быстро натянула влажную куртку. Вдвоем они вышли на промокшую улицу.

— Ты любишь горячий шоколад? — спросил Женья.

— Люблю, — закивала Оля, почувствовав, что снова краснеет. Неужели ей понравился Женья? Он, безусловно, интересный, но такие неформальные ребята никогда не были в ее вкусе.

— Здорово! — обрадовался парень. — Тут за поворотом есть отличная кофейня, там работает мой друг. Он мне как раз бабки должен. Угостит нас за счет заведения. И ты до конца согреешься.

Оля снова кивнула, и ребята пошли вдоль пустой улицы. В уютной теплой кофейне Воробьева вновь посетовала про себя на то, что выбежала из дома чуть ли не в пижаме. Кто ж знал, что ее пригласят в кафе.

К ребятам тут же подошел светловолосый улыбчивый парень в белой рубашке и с яркой бабочкой на шее:

Ася Лавринович

— Приветствую! — протянул он руку Жене. — Как здоровье?

— Уже лучше! — отозвался рыжеволосый. — Знакомься, это... — Женя замешкался. — Это Цветолина.

— Цветолина? — поднял брови Женин приятель. Парни переглянулись.

Оля снова залилась краской. Угораздило же ее назваться чужим именем!

— Ага, — кивнула девочка. — Женя, ты сказал, тут вкусный шоколад?

Парни продолжали с подозрением разглядывать Олю. Воробьева совсем растерялась.

— Да! — наконец проговорил Женя. — Толян, принеси нам два шоколада.

— О'кей! Помню, что тебе должен, — проговорил светловолосый, зачем-то подмигнув при этом Оле. Девочка интуитивно прикрыла длинными волосами глупую Динь-Динь на груди.

Получив долгожданный шоколад, Оля и Женя некоторое время молчали. Нужно начать с чего-то разговор... Воробьева, обхватив чашку замерзшими пальцами, смущенно опустила глаза. Тогда Женя проговорил:

— В школе учишься?

— Ага, в десятом классе, — отозвалась Оля, попробовав сладкий напиток. Сейчас он ей показался самым вкусным из всего, что она пробовала в жизни.

— И как тебе? — спросил Женя.

— Что? — удивилась Оля. — В школе?

— Ага!

— А как вообще может быть в школе? — скривилась Оля.

— Ну да, ты права! — засмеялся Женя, снова продемонстрировав ямочки на щеках.

Оля с тоской вспомнила свой прошлый класс. Все подружки остались в другом городе. В этой же школе одни сплошные соревнования на тему: «Кто круче?»...

— И зачем в воскресенье говорить об учебе? — пожала плечами Оля.

— Действительно, — снова согласился Женя. — Маразм! Может, тебе десерт какой заказать?

Оля покачала головой.

— Нет, спасибо! Слишком много сладкого... Лучше расскажи о себе! Что ты любишь?

— Аниме, — не задумываясь, ответил парень.

— Правда? — обрадовалась Оля. — А я дорамы! Люблю грозы, облепиховое варенье и запах роз. Ой, а еще шоколад и конфеты... Особенно «Птичье молоко».

Ребята проболтали около часа, находя все новые общие интересы.

— А на сноуборде катаешься? — обаятельно улыбаясь, спросил Женя.

— Нет, к сожалению, — расстроилась Оля. — Только на «ватрушках».

— Я тебя обязательно научу. Скоро сезон начнется, мы с друзьями поедem в Коробицыно. Возьму тебя с собой... — Внезапно Женя смутился. — Если ты, конечно, хочешь. И оставишь мне свой номер телефона.

Он шутит? Ну, конечно, Оля хочет! И номер телефона обязательно оставит. Девочке даже не верилось, что она понравилась Жене вот такой — случайно выскочившей из дома после ссоры с родителями. Ненакрашенной, промокшей до нитки, еще и в домашней пижамной кофте. Даже если между ними не будет романа, Женя — очень интересный парень. С таким хочется дружить. За эти пару часов, что они вместе, Оля получила в несколько раз больше положительных эмоций, чем за неделю общения с Синицыной и ее свитой.

Когда ребята вышли из кафе, Женя посмотрел на спортивные наручные часы и вздохнул:

— Прости, не могу проводить тебя до дома, Цветолина.

— Мы ведь обменялись номерами телефонов, — промямлила Оля, еще не решив, как в будущем объяснить смену сво-

Ася Лавринович

его имени. Нелогично! «Вообще-то я Ольга, но для друзей — Цветолина!»

— А как тебя сокращенно-то называть? — улыбнулся Женья.

— Как хочешь, — отозвалась Воробьева, подумав, что лучше всего — Олей.

— Буду называть Цветочком, — засмеялся Женья. Оля обратила внимание, что, когда дело касается «ее» имени, парень реагирует слишком уж бурно. Тяжело, наверное, Цвете живется...

— Называй Цветочком, — согласилась Оля. — Да хоть клумбой!

А затем девочка внезапно протянула руку и дотронулась до Жениного колечка в носу.

— Надеюсь, ты не хочешь за него дернуть? — поинтересовался Женья.

— Нет, просто... — смутилась Оля. — Больно было?

— Не больнее, чем ломать ногу в прошлом году, — ответил парень.

— На сноуборде? — напряглась Оля.

— Нет, со стремянки упал, — снова рассмеялся Женья. — Лампочку вкручивал.

Парень не отводил от Воробьевой взгляда, а та так и стояла перед Женей с вытянутой рукой. Ее указательный палец скользнул вниз и дотронулся до верхней губы парня. Оля, смутившись, быстро одернула руку. В этот момент мимо них по мутной луже пронеслась машина, едва не обдав ребят веером грязных брызг.

— Ладно, будем прощаться, — вздохнула Оля. — Пока, Женья!

— Пока, Цветолина! — улыбнулся рыжеволосый. — Я тебе напишу!

Оля первой развернулась и быстрым шагом направилась вдоль по улице. По пути достала из кармана куртки телефон, но пропущенных вызовов не было. Родители не звонили. Оля нахмурилась. Ничего себе! Дочь пропадает под диким

дождем, а они даже не волнуются. А может, решили, что ей лучше побыть одной?

Оля выбралась на нужную улицу только с помощью навигатора на телефоне. Вот была бы забава, если б Женя отправился ее провожать... Иди туда, не знаю куда. За три недели уже можно выучить весь район вдоль и поперек, но Оля редко бродила по улицам, чаще всего гуляя одним путем — от школы до дома.

В квартире было тихо. Оля не нашла родителей ни в одной из комнат. Только записку на столе: «Уехали покупать новую микроволновку. Не сердись! Любим! Ма и па». И плитка молочного шоколада рядом. Оля улыбнулась. Может, она правда накручивает себя по пустякам?

* * *

В понедельник Олю встретила воодушевленная Рина.

— Ой, что на выходных было-о! — протянула Синицына, наблюдая, как одноклассница выкладывает из сумки тетради и учебник.

— Что? — без особого энтузиазма отозвалась Воробьева.

— Мы с бабами пошли в гости, а там... Угадай, кто?

— Кто? Иван Ургант?

— Ага, и Митя Хрусталеv! — недовольным голосом отозвалась Рина. — Ха-ха! Нет, конечно! Там были Власов и Филимонов.

— Вот счастье-то!

Оля уселась на свое место и кулаком подперла щеку, приготовившись слушать болтовню новой подруги.

— Янка только на вписку Никитку своего притащила неадекватного, а тот ее к Егору приревновал, прикинь? Хотя вообще поводов не было, клянусь! Власов на нее и не глядел особо, так, когда на кухню все ушли курить и Янка за всеми поплелась, они перекинулись парочкой слов. Там, о моде, о погоде...

Ася Лавринович

В этот момент Игнат ткнул Олю в спину линейкой. Воробьева вздрогнула и быстро развернулась.

— Ольга, ты задачи решила?

— Решила, — кивнула Оля.

— Дай списать.

— Игнатик, ну, тут как бы совсем не до тебя! — зашипела Рина, тоже развернувшись к однокласснику. — Не видишь, две женщины ведут взрослую беседу?

— Чего? — опешил Игнат.

— Короче! — Рина схватила Олю за руку. — Слушай дальше. Филимонов там только про тебя весь вечер и спрашивал. Ты его приворожила, что ли? Нам с бабьем от него спасу не было. «Где Ольга?» да «где Ольга?» Вот же заладил!.. Моя, говорит, Рапунцель! А ты, кстати, где была на выходных?

Оля пожала плечами:

— В кафе ходила... С парнем!

— Это которому шестьдесят?

— Ага, — улыбнулась Оля. — День рождения отмечали, ему как раз шестьдесят один стукнуло!

Рина звонко расхохоталась:

— Ой, Олька, обожаю тебя! Ты такая забавная.

— Ну, Синица! Воробей! Дайте списать! — снова зашипел Игнат.

— Так! — рассердилась Рина, снова поворачиваясь к парню всем корпусом. — Послушай сюда, дятел мой любимый!.. Ты думаешь, я до ночи в обнимку с задачником сидела, чтобы тебе, любезному, с утра дать все сдуть? Вот еще! Тем более Алла Кирилловна говорила, у кого совпадет вариант...

Оля не дослушала гневную речь Синицыной. Внезапно дыхание перехватило. В класс зашел Женья. Тот самый ее Женья с колечком в носу! Встретившись с тревожным взглядом Оли, рыжеволосый лишь улыбнулся уголком губ. И кажется, в отличие от Воробьевой, для него не стало шоком, что Оля — его одноклассница.

— Ты чего подвисла? — толкнула локтем Воробьеву Рина. — А, Потупчик явился! Принесла нелегкая. Как слег с бронхитом еще до каникул, так и...

— Он учится в нашем классе? — растерянно вполголоса спросила Оля.

— А то как же! — Синицына склонилась к уху новоиспеченной подруги и начала быстро говорить: — Помнишь, ты спрашивала, с кем лучше не общаться?..

Оля не сводила с парня немигающего взгляда. Женя, развернувшись, тоже внимательно смотрел на Воробьеву, в то время как Рина продолжала шептать:

— Так вот! Если не хочешь ставить крест на своей уже сформировавшейся хорошей репутации, даже не думай начать с ним разговаривать. После того, что произошло в прошлом году, Женька — изгой в нашем классе!

— Изгой? — растерянно спросила Оля. Как такой замечательный и интересный парень может быть изгоем?

— И чего он так на нас пялится? — нахмурилась Рина. Затем замахала рукой, словно отгоняя от себя муху. Зашипела: — Потупчик, отвернись! Шею сломаешь!

Женя усмехнулся и послушно отвернулся от девчонок. Подперев голову рукой, уставился в раскрытую тетрадь.

— Всегда знала, что он ко мне неровно дышит, — хмыкнула Синицына. — Видала, как уставился?

— Угу, — промычала в ответ Оля.

— Думает, ему что-то со мной светит? — не унималась Рина.

— По-моему, он на Ольгу смотрел! — подавшись вперед к одноклассникам, сообщил Игнат.

Рина нахмурилась.

— На Ольгу? — Блондинка внимательно оглядела лицо Воробьевой. У Оли тут же поалели щеки. — Игнатики, ты отстанешь от нас сегодня или нет?

— Если вы мне дадите списать задачи... — снова начал Игнат.

Ася Лавринович

— Господи! — взвыла Синицына, бросая на парту одноклассника тетрадь по физике. — На! На! На! Вот прицепился. Репейник!

Игнат довольно потер ладони и принялся списывать домашнее задание, а Рина тут же повернулась к Оле. Воробьева молчала.

— Правда, Женька на тебя смотрел, что ли? — немного обиженно произнесла блондинка.

— Не знаю, не заметила! — Оля постаралась произнести это как можно равнодушнее, так и не решив, как теперь быть в сложившейся ситуации. — А почему этот парень изгой в вашем... в нашем классе?

— Дела давно минувших дней, — пожала плечами Рина. — Мы из-за Потупчика выпускного лишились в девятом классе. Он — предатель.

Оля подавленно молчала, изредка поглядывая на спину Жени. Парень что-то быстро записывал в тетради. Когда в классе появились Власов и Филимонов, Женя даже голову не поднял. Зато парни, заметив Потупчика, оживились.

— Опана! — громко проговорил Вадик. — Смотрите, кто выздоровел!

Оля с напряжением следила за ребятами, от волнения теребя провода наушников. Егор, оглядевшись по сторонам, закрыл дверь в класс, что тоже не очень понравилось Воробьевой. Остальные притихли и следили за двумя лидерами.

— Чем болел, Затупчик? — усмехнувшись, спросил Филимонов.

Женя поднял голову и выдержал тяжелый взгляд одноклассника.

— Ты ко мне обращаешься? — спросил он у Вадика.

— К кому ж еще? — снова хмыкнул Филимонов.

— Ты перепутал. У меня другая фамилия.

Дверную ручку кто-то дернул. Затем раздался настойчивый стук.

— Кто там стучит? — насмешливо выкрикнул Вадик.

— У нас тут один стукач! — кивнул на Женю Егор.

— Ребят, открывайте, не смешно! — подала голос Рина. — Это Алла Кирилловна. Сейчас звонок уже будет!

Егор еще раз сердито взглянул на Женю и открыл дверь. В класс быстрым шагом вошла раздосадованная физичка.

— Что это еще за шутки? А, Власов? Прямо перед моим носом закрываться!

— Простите, Алла Кирилловна! — буркнул Власов. — Я вас не заметил.

Егор вместе со звонком на урок уже было двинулся к своей парте, как физичка его остановила.

— Власов, куда? Раз уж ты у доски, с тебя и начнем. Параграф учил? Закон сохранения механической энергии.

Егор остался топтаться на месте, посылая злобные взгляды Жене. Но рыжеволосый сидел с самым невозмутимым видом и крутил в руках карандаш.

— Ох, попал Потупчик! — прошептала Рина, покачав головой.

— Почему? — испугалась Оля. — К доске ж вызвали Егора.

— Я не об этом! В прошлом году от действий Женьки Власов больше всех пострадал.

— А что случилось-то? — не выдержала Оля.

Алла Кирилловна постучала кулаком по столу и выразительно посмотрела на девочек.

— Потом! — поморщилась Синицына, не сводя взгляда с учительницы. — Я параграф не учила.

Оля вздохнула и снова уставилась в спину Потупчика. Но за весь урок Женя к ней так и не повернулся.

Опубликовано в 22.44

ПРО НЕВЫНОСИМУЮ ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ

«Это ужасно, когда ты не можешь быть с человеком, который тебе искренне нравится. Ты поняла, что он тебе нужен больше всех на свете, в вашу первую встречу.

Ася Лавринович

Именно тогда, при знакомстве с ним так сильно сжало грудную клетку... Сошла с ума с первого взгляда.

Как хочется наплевать на все правила и предрассудки и просто быть всегда рядом.

От этой любви одни проблемы! Рыдаю, как дуручка.

Глубокий вдох и выдох. Все проходит, как утренняя изморозь на коре».

(К): Если хочешь быть с человеком, просто будь с ним!
В чем проблема?

(S): Ты так считаешь?

(К): Конечно! Забей на всех! Смотрела «Клинику»? «Кому какая разница, что думают другие? Загляни в свое сердце и делай то, что поможет стать счастливее».

(S): Спасибо! Я подумаю.

(К): Только знай: я в это время тут буду мучиться, страдать, ревновать...

(S): Бедняга)))

...

(S): Почему молчишь?

(К): Искал перчатки...

(S): Это правильно. С завтрашнего дня обещают похолодание.

(К): ... чтобы вызвать его на дуэль!

(S): Шутник))

(К): Я не шучу! Seriously. Может, все-таки увидимся, и ты поймешь, что и я могу сводить с ума с первого взгляда?

...

(К): Ты где?

(S): Теперь я искала перчатки) Говорю ж, на улице холодно. Как я без них завтра в школу пойду?

(К): Своим равнодушием тырываешь мое сердце на куски ((

(S): Перестань! Ты знаешь, как я к тебе отношусь. После твоих слов мне становится теплее.

(К): Правда? И перчатки не нужны?) А теперь представь, что я смотрю на тебя, держу крепко за руку и нежно напеваю: «All my loving»¹...

(S): Звучит очень уютно!:)

(К): Оля, я тот, кто всегда с тобой.

Глава четвертая

На следующий день Женя Потупчик не пришел на первые два урока. И Олю все это время разъедала тоска. На первом уроке она прослушала новый материал, и в конце занятий, когда все перешли к практике, не решив ни одной задачи, сдала на проверку пустой лист. На втором уроке снова погрузилась в мрачные мысли, нагрубилась Синицыной... Соседка по парте смертельно обиделась и ушла в столовую без Оли. Но ссора с Риной мало взволновала Воробьеву. Больше беспокоило отсутствие Жени на уроках. Ведь он только выздоровел. Может, не пришел в школу из-за Оли? Зря она вчера его избегала весь день. Нарочно на переменах была все время рядом с Синицыной, чтобы Женя не мог к ней подойти, а после уроков первой бросилась в гардероб и из школы убежала, на ходу наматывая шарф...

А если Женя решит, что Оля не общается с ним из-за того, что наплела Рина? А что, разве дело не в этом? «Глупости! Плевать, что думают о Жене остальные, — внушала себе Оля. — Я избегала парня, потому что глупо вышло с этим выдуманным именем... Что он обо мне теперь думает? Что я девочка с кучей комплексов? Не нужно было называться Цветолиной!»

После второго урока Оля сидела в столовой одна, лениво ковыряя вилкой разваренные макароны. Рина расположи-

¹ The Beatles, All My Loving («Всю свою любовь»).

Ася Лавринович

лась за соседним столом и что-то бурно обсуждала с Яной Пучковой. В сторону Воробьевой даже не смотрела. Оля только тяжело вздохнула. Дурацкий день! Еще и на улице это обещанное похолодание. Небо серое, сильный ветер с дождем с самого утра. Вот и сейчас за окном поливает. Девочка почувствовала себя такой одинокой среди этих гудящих веселых подростков, которые знают друг друга с первого учебного дня.

— Привет! — раздалось над самым ухом.

Оля растерянно подняла голову.

— Привет, Женя! — пролепетала она.

— Сяду с тобой? — спросил парень.

— Да, конечно! — смущенно отозвалась Оля.

Женя поставил на стол свой поднос. Воробьева машинально взглянула в сторону Синицыной и тут же встретила ее укоризненным взглядом. Рина нахмурила брови, показывая всем своим видом недовольство. Потом заладит: «Я же тебе говорила!»

Женя сел рядом и как ни в чем не бывало принялся есть. Оля только искоса на него поглядывала. Потом решила задать вопрос:

— Ты не был на первых двух уроках, потому что...

— Ага, — прожевав, кивнул Женя. — Проспал!

— Проспал? — немного разочарованно откликнулась Воробьева.

— Ну да, — пожал плечами Женя. — А что?

— Да ничего...

Женя внимательно посмотрел на Олю, а потом улыбнулся. И верхняя губа снова коснулась металлического колечка в носу. Оля как завороченная смотрела на его улыбку.

— А ты решила, что я из-за тебя в школу не пришел?

— Нет! Нет! — запротестовала Оля, покраснев. Вот же какой пронизательный!

— Я — сова, — пояснил Женя. — Вообще не могу поднять себя к первому уроку.

— Понятно.

Ребята замолчали.

— Слушай, Женя... Я тебя вчера избегала не потому, что... — Оля снова примолкла, а Женя нахмурился.

— Что про меня наплела Синицына?

— Ничего, — пискнула Оля. Хотя она сама прекрасно слышала, как с Женей разговаривают Власов с Филимоновым.

Парень, будто прочитав ее мысли, сказал:

— На тех двух клоунов внимания не обращай. Они с чего-то решили, что все должны воспринимать их всерьез и считать за главных. Бред!

Женя усмехнулся и потянулся за хлебом. Оля осторожно огляделась по сторонам. На них с Потупчиком уже поглядывали многие десятиклассники. Может, для начала стоит узнать, что натворил Женя, попав во всеобщую немилость? Но не разговаривать же об этом с самим парнем. Неудобно. Воробьева набрала побольше воздуха в легкие и выдала:

— Я не общалась вчера с тобой, потому что мне ужасно стыдно, ведь я представилась Цветолиной!

— Кстати, а зачем ты это сделала? — снова улыбнулся Женя той улыбкой, от которой у Оли сердце чуть из груди не выпрыгнуло. Это колдовство какое-то!

— Потому что дура! — призналась Оля.

— Самокритично! — рассмеялся Женя.

— Правда! Я думала, мы с тобой больше никогда не увидимся, ну и брякнула зачем-то... Удивить хотела.

— Удивила, — согласился Женя.

— А потом ты номер телефона попросил... — продолжила оправдываться Оля.

— Ладно тебе, забей! — усмехнулся парень. — Даже не парься по этому поводу. Надеюсь, сноуборд еще в силе?

Оля с облегчением выдохнула, а затем снова наткнулась на недовольный взгляд Синицыной.

— Ага, в силе. Начнем все сначала? Я, кстати, — Оля!